

ТАТЬЯНА ВЕШКИНА

КНИЖНЫЕ
ТЮРЬМЫ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44
В40

Художественное оформление *Александра Андреева*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Sabelskaya, ArtMari, alyaBigJoy, Mila Basenko / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрация на обложке *Анны Ремизовой*

Вешкина, Татьяна.
В40 Книжные тюрьмы / Татьяна Вешкина. — Москва :
Эксмо, 2024. — 304 с.

ISBN 978-5-04-190951-2

Выражение «отправиться в литературную ссылку» еще никогда не звучало столь буквально и иронично... В мире будущего технология телепортации в книги стоит на страже порядка. Отбывать наказание преступников отправляют на страницы произведений.

Денис — несправедливо обвиненный программист — перемещен в жестокое фэнтези с восточным колоритом. Книжные тюрьмы ломают людей, а иногда и становятся причиной их гибели, — тем более такие жестокие, насквозь пронизанные магией миры, как «Ветра Востока»... И все было бы просто ужасно, если бы выбранная судом книга не оказалась любимым романом юноши...

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

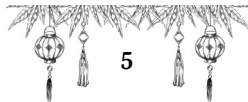
ISBN 978-5-04-190951-2

© Вешкина Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ГЛАВА 1 ДЕНИС

Я давно заметил, что если наблюдать за происходящим со стороны, то становится спокойнее. Это не ты, а кто-то другой сидит в зале суда на жесткой холодной скамейке. У него твои каштановые волосы, слегка пухлые веснушчатые щеки и легкая небритость вперемешку с усталостью. Ветер гуляет за окном, безжалостно заносая внутрь помещения осеннюю промозглость сквозь щели в окнах, заставляя кого-то другого скрестить руки на груди и дрожать от озноба. Запах безвкусно дорогого парфюма с нотками холодной земли и мертвых цветов больше не раздражает твои рецепторы. Все присутствующие расфокусируются и превращаются в синие размазанные тени, присыпанные сверху розово-желтой пылью от солнечных лучей. Голоса словно раздаются со дна бассейна, от тебя их отделяет толща воды и равнодушия. Бестолковый, овечий, вечно оправдывающийся голос твоего адвоката еле слышен, и ты отвлекаешься от пугающих мыслей о том, что этот представитель за-

кона, скорее всего, в доле с твоим обвинителем. Раскатистый баритон судьи не нарушает твой покой, никаких переживаний больше нет. Но в голове звучит ряд вопросов, поставленных на повтор твоей памятью, играющей в бессердечного диджея: «Как я до этого докатился? Почему я? Меня покормят перед заключением?»

А то, что впереди ожидает тюремный срок, уже не может быть подвергнуто сомнению. В мою защиту звучат слишком слабые тезисы, и, если верить словам адвоката, пахнущего бальзамирующей жидкостью, я по своей инициативе решил взломать чужие банковские счета. Даже какие-то подтверждающие улики предоставили. «Вам должны смягчить приговор», — зашептал защитник и подмигнул мне.

Все началось два месяца назад, когда на электронную почту пришло приглашение на собеседование по поводу новой должности. Текущая работа была бесперспективной и малооплачиваемой, поэтому я с радостью откликнулся на более интересную и денежную вакансию. Сбылись мои мечты: иногда можно работать из дома, офис компания снимала в самом центре города, в помощь выделяли улыбчивую секретаршу, а в кафе на первом этаже варили просто божественный кофе. Меня нанял «Де-Билд». Странная фирма со странным названием. И не менее странным слоганом: «Потому что мы любим своих клиентов!» Казалось бы, стоило насторожиться, но я был

КНИЖНЫЕ ТЮРЬМЫ

слишком воодушевлен вкусным кофе с первого этажа. «ДеБилд» разрабатывал софт для банковских систем. В компанию я устроился на финальной стадии создания очередного продукта, и через месяц моей деятельности рабочая версия программы под моим руководством была готова. Я писал лишь фрагмент кода и не имел никакого понятия, во что вмешался. Похоже, какая-то группа хакеров использовала меня и обставила все так, что я оказался единственным виновным в планирующемся ограблении. А произошло именно ограбление. Дописанная мною программа стала ключом доступа к счетам клиентов банков и даже некоторых крупных организаций.

И вот я сижу в зале суда, осознавая неизбежность грядущего наказания, так нелепо свалившегося на мою голову. Наступает роковой момент: судья выносит приговор. Сейчас он объявит, что меня ждет. А ждет меня, разумеется, ничего хорошего.

— Денис Левинский, вы приговариваетесь к заключению в книге сроком на двадцать лет без права на досрочное освобождение. Поскольку у вас не было криминального прошлого и в вашей биографии отсутствуют какие-либо проступки, книгу мы выберем на русском языке. Мы вернем вас обратно из переплета в 2060 году, если, конечно, будет кого возвращать.

Да, это была суровая правда. Очень мало кто из заключенных доживал до момента освобождения со стра-

ниц вымышленных миров. Многих уничтожало жестокое повествование суровых рыцарских романов, норвежских саг и исторических трактатов о греко-римских войнах. Однако рекордсменом по количеству погибших по праву считалась не менее суровая русская классика. Одно дело — читать о каком-то знаменательном сражении, магическом мире или северном мифе, а совсем другое — оказаться его действующим лицом. Даже если тебя не убьют местные бактерии или вирусы, даже если ты окажешься достаточно смышленным, быстро разберешься, что к чему, и сможешь встроиться в структуру общества, остается еще слишком много «но». Никто не отменял голод, жестокие нравы, тяжелые погодные условия, непрекращающиеся войны — а ведь именно по этим критериям суд подбирал рекомендованные для заключения тома. И уж я бы точно не позавидовал тем, кого отправляли в книгу на иностранном языке. Провинившиеся попадали не просто в жестокий и враждебный мир со своими альтернативными законами, они еще и лишались возможности хоть как-то вникнуть в разворачивающиеся вокруг них события — если, конечно, не были знакомы с языком.

Я как-то наткнулся на исследования ученых, которые опрашивали одноглазых, одноногих или поседевших от ужаса людей, сумевших дожить до своего освобождения. Бывшие заключенные в один голос заявляли,

КНИЖНЫЕ ТЮРЬМЫ

что по каким-то неведомым законам бытия сама натура книжного мира противится вторжению чужаков и уж тем более не терпит влияния на свой сюжет. За вмешательство в повествование ветераны литературной ссылки расплатились, как нетрудно догадаться, глазом, ногой или рассудком. Да, а ведь когда-то словосочетание «литературная ссылка» имело совсем другой смысл. Пушкин, Лермонтов и прочие ребята, пока вокруг суетился рой слуг, смотрели из окон богатых поместий, наблюдали смену времен года и сокрушались, какие они несчастные, от скуки строча повести и стихи. Мои мысли перекакивали с одного мрачного сценария на другой, отчего меня слегка замутило. Даже, я бы сказал, укачало, как после американских горок из парка аттракционов. Но гадкое чувство в конце концов стало отступать, и я понял, что в реальном времени, на суде, прошло не больше нескольких секунд.

— Вы будете отбывать свое наказание в «Ветрах Востока» — романе Джерри С. С. Мортира.

Услышав название, я лишь чуть заметно вздрогнул, пытаюсь не выдать облегчения, которое подхватило меня в свои объятия пушистого белого пледа из рекламы кондиционера для белья. «Ветра Востока», это надо же! Любимая книга родом из моего детства.

А потом облегчение уступило место глубокой, тосливой печали. Здесь, на Земле, останутся мои родите-

Татьяна ВЕШКИНА

ли, и я не увижу их целых двадцать лет. За это время они сильно состарятся, а мир изменится до неузнаваемости.

Меня погрузили в старый «уазик» — зомби-привет от канувшего в лету СССР. Как ни странно, эти болотного цвета автомобили с выпученными от изумления фарами все еще были на ходу, в отличие от отживших свое машин марки «Люда» прошлого поколения. Доподлинно известно, что многие переплавленные «люды малины» доживали свой век в новом качестве и исправно служили в роли железных тазов. Казалось, «уазик» искренне удивлялся, почему он жив и ездит, а потому кряхтел и выдыхал из выхлопной трубы облака вонючих газов. Неумирающий стальной дед натужно пукнул, и мы поехали: я, закованный в наручники и хмуро косящийся в скованное решеткой микроокошечко, и сотрудник полиции — за рулем. Рядом, на соседнем сиденье, замер конвоир, сопровождающий меня до места исполнения приговора. Это был коротко стриженный мужчина с самыми обычными серыми волосами, среднего роста, среднего телосложения. Я размышлял о том, что неприметного господина не получится запомнить при всем желании — слишком распространенный и усредненный у него типаж. Рядом с таким человеком можно каждое утро ехать на работу в одном вагоне метро, но запомнить его все равно не выйдет. Специально, что ли, таких на службу берут? Пока я раздумывал на эту тему, мы

КНИЖНЫЕ ТЮРЬМЫ

уже подъехали, миновав контрольно-пропускной пункт. «Уазик» замер на территории старого, построенного еще в XIX веке комплекса из красного кирпича. Не оставалось никакого сомнения, что дома со смотровыми башенками образовывали правильные по форме кресты.

Место осуществления приговора представляло собой старую тюрьму с пустыми, распахнутыми дверями камер. Сюда привозили и для устрашения, и в качестве напоминания. Решетка с черно-ржавыми прутьями скрипнула своими петлями, и я непроизвольно дернулся. Конвоир, стоящий справа, не принял эту неловкую реакцию за попытку побега, а лишь немного надменно хмыкнул. Постоянный спутник подобных мест — холодок по коже — набросился на меня, точно кот на игрушку, набитую мятой, и крепко схватил острыми когтями позвоночник. Это место оживляло в воспоминаниях городские легенды, появившиеся с изобретением технологии перемещения в книжные переплеты. Родители пугали своих едва подросших детей: «Будешь плохо учиться, попадешь в книжку из школьной программы!» А подростки по вечерам в парке, на даче, или засидевшись в гостях у друзей, обменивались страшилками о том, что книги с узниками хранятся в склепах под городом и старых бомбоубежищах. И только что освободившимся узникам приходится еще долго прокапывать себе дорогу наверх руками, разгребая комья земли под пристальным взгля-

дом мертвецов. Мне вспомнилась самая жуткая городская легенда, гулявшая скорее вдоль стен зданий институтов и университетов. Якобы никто на самом деле не возвращается из ссылки в книгу, а все те люди, которые появляются на телевидении и радио, — нанятые актеры. И тот том, в который отправляют заключенного, тут же сжигается.

Я попытался сосредоточиться на радостных воспоминаниях из детства, но так и не смог. Не потому, что у меня не было радостных воспоминаний из детства, а потому, что при текущем раскладе вещей это казалось почти невыполнимой задачей. Мозг снова и снова возвращал меня к событиям, предворяющим весь этот фарс.

Я только закончил писать свой фрагмент кода, окрыленный и готовый к решению новых задач, и вышел из офиса, одетого в элегантное фигурно вырезанное стекло. Первое задание на моей первой работе выполнено, я отлично справился и уложился в дедлайн. Позади — рабочая неделя, впереди — выходные, и комик-кон не за горами, маячит уже, размахивая своим световым мечом. Я спустился на первый этаж по лестнице, и путь как-то сам собой логично закончился в кафе. Не знаю, собирали ли кофейные зерна рабы в Гватемале или местные жители, которым, по меркам их деревни, платили очень хорошо, но кофе все равно оказался чертовски хорошим, как всегда. Никакого кислого привкуса страдания не обнару-

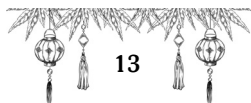
КНИЖНЫЕ ТЮРЬМЫ

жилося, только легкое карамельное послевкусие. Повинуясь внезапному порыву, я купил у улыбчивой барышни за стойкой еще и коробку шоколадных печений по слегка завышенной цене. На упаковку, как бы оправдывая свой поступок, производители наклеили стикер: «Без глютена, ГМО, красителей и консервантов. Ручная работа». Да, в любой непонятной ситуации просто клей на все подобную этикетку. Не дают повышение? Этикетка с фразой «Ручная работа» отлично будет смотреться на годовом отчете. Сделал кривую вазу и пытаешься продать ее в интернете? Аккуратно сними с годового отчета вышеуказанную наклейку. А табличка «Без ГМО и вредных добавок» отлично будет смотреться на любой части тела, особенно во время свидания. Заметив, что я замер, разглядывая печенье, кассир слегка смущенно поправила свой темно-синий передник и произнесла:

— С зеленым чаем будет вкуснее.

Мне так и не удалось понять, мешал ли я ей работать или эта фраза предназначалась в качестве зачина к дружеской беседе. Я улыбнулся, почувствовав себя неловко, поблагодарил девушку за совет и поехал домой.

На следующий день я пригласил к себе домой Ника, который был «именно Ником, а не Николаем», и Ленку, который был менее притязателен в отношении зова по имени. С ребятами я дружил еще со школы, а потому они застали мою трансформацию из хиленького ху-

денького мальчика, сломавшего зрение о чтение книг под одеялом по ночам, в довольно подтянутого юношу, увлекающегося Средневековьем. Мое хобби отнюдь не ограничилось восторженным наблюдением за построением войск и ведением военных действий по другую сторону текста. После прочтения «Ветров Востока» я уже не мог спокойно стоять в стороне и просто бить палкой крапиву. Я решил, что гораздо интереснее бить кого-нибудь другого, и не палкой, а мечом. Да, в общем-то, не бить, а скорее участвовать в сражении или настоящем поединке. «Ветра Востока» были даже больше про магию, чем про Средневековье, но так как школы чародейства и волшебства в шаговой доступности не обнаружилось, я уговорил маму и папу записать меня в секцию фехтования. Фехтование со временем переросло в более основательные занятия в сообществе реконструкторов, и чуть позднее я даже научился не только владеть мечом и шпагой, но и стрелять из лука. А потом пришла учеба в университете на программиста, и времени на продолжение занятий по фехтованию и стрельбе стало катастрофически не хватать. Остались редкие упражнения, призванные поддерживать форму, и соревнования, проводившиеся на излете июля в соседнем Выборге. Ник и Ленка, с которыми я всегда находил возможность увидеться, в конце концов все-таки переманили меня в свою секту косплееров. Косплей был по-своему удобен: он не

КНИЖНЫЕ ТЮРЬМЫ

требовал крупных преподношений в виде человеко-часов, если, конечно, ты не шил себе костюм сам; также косплей стал еще одним звеном, связавшим меня и ребят. В общем, я втянулся. Ник, ходивший прямо, словно по струночке, выглядел, как пай-мальчик со скрипочкой из приличной семьи. По какой-то неведомой причине Николай отчаянно пытался развеять образ интеллигента и выбирал для перевоплощения образы самых отъявленных злодеев. Ленька, напротив, был полноватым и к своим двадцати двум окончательно смирился с тем фактом, что в борьбе между нерегулярными занятиями спортом и весом вес победил со значительным перевесом. Каждый год на комик-кон Ленька выбирал именно тот костюм, который бы выгодно представлял его и при этом притягивал женское внимание.

Пицца не заставила себя ждать, она позвонила в дверь при помощи человека-посредника с квадратной заплечной термосумкой и вскоре поспешила оказаться на моем столе в кухне. Вообще-то, квартира была родительской, освобожденной после того, как мама и папа переехали в частный дом на окраине Петербурга «поближе к зелени». Наверно, на дом они копили все двадцать лет, может, конечно, чуть меньше. Я знал, что не могу подарить что-то настолько же значимое, а потому на новоселье преподнес посудомоечную машину (спасибо деньгам, выигранным во время последнего турнира на мечах).

